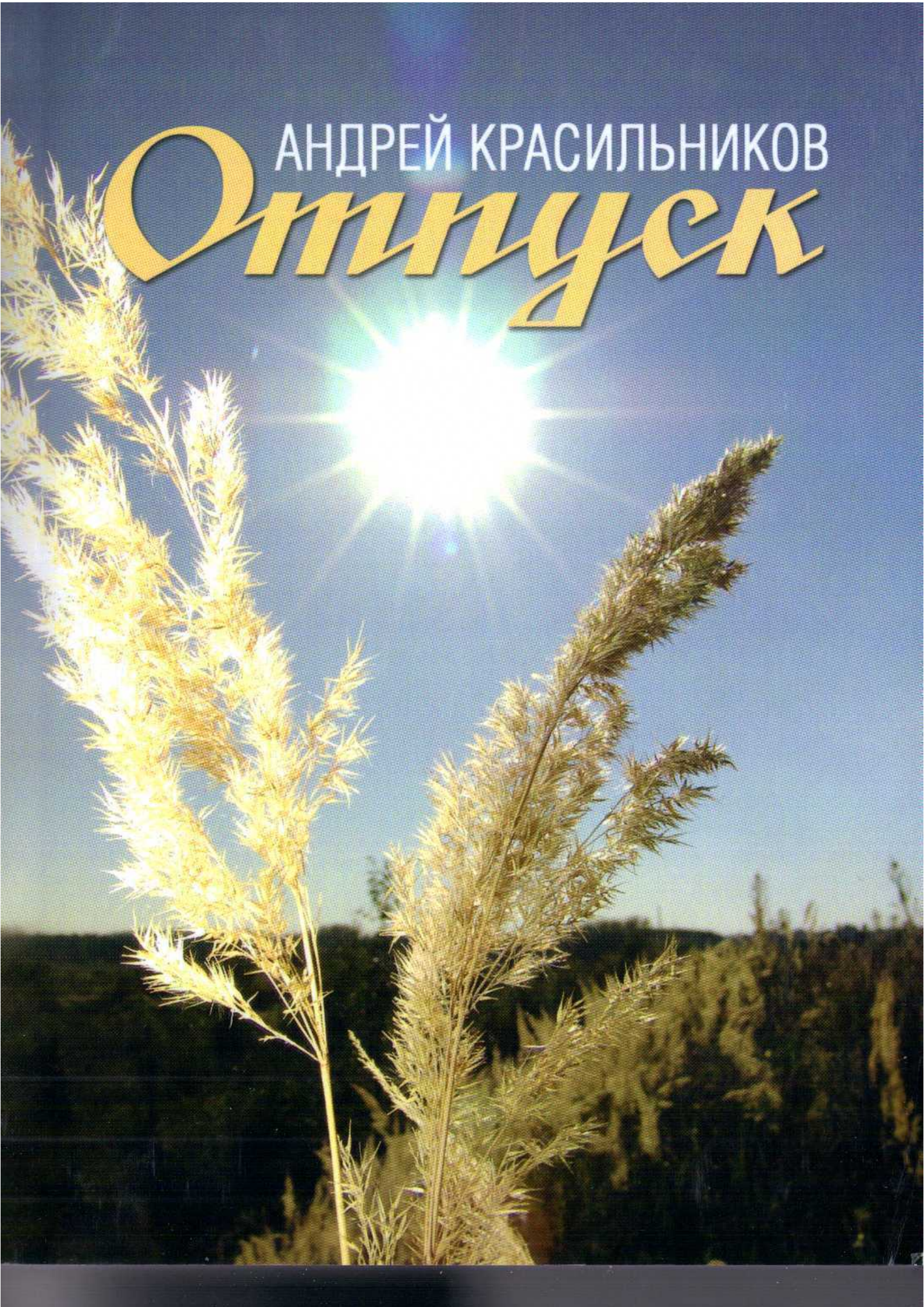

АНДРЕЙ КРАСИЛЬНИКОВ

Отпуск

Андрей Красильников

Отпуск

Издательство "Руда"

2002

ББК 84 (4 Рос.)

Красильников А. Н.

Отпуск / А. Н. Красильников — Издательство "Руда", 2002

ISBN 978-5-86609-160-9

Главный герой романа «Отпуск» Вадим Никольский, один из ближайших соратников Бориса Ельцина, в начале XXI века перестаёт быть номенклатурным политиком. Впервые за долгие годы ему удаётся приехать в отпуск в родные места, где он встречается с друзьями детства, пытается переосмыслить вместе с ними события 90-х годов и принять непростые для себя решения. В роман включены малоизвестные документальные материалы, иллюстрирующие политическую борьбу конца прошлого столетия, в частности, вокруг принятия новой российской конституции. Участником некоторых событий был и сам автор. Параллельно исследуется феномен фаворитизма на примере из русской истории времён Екатерины Второй. Выход книги приурочен к 60-летию со дня рождения писателя.

ББК 84 (4 Рос.)

ISBN 978-5-86609-160-9

© Красильников А. Н., 2002
© Издательство "Руда", 2002

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Красильников

Отпуск

© А.Н. Красильников, 2002

Часть первая

Глава первая

1

Давно он не видел такого широкого небосвода, не разорванного по краям силуэтами домов, лесов, гор и прочих творений природы либо рук человеческих. Со всех сторон его окружили стенки перевёрнутой полый чаши чистой голубизны с маленькой круглой прорехой наверху, похожей на яичный желток, откуда исходили свет и жар. Под ногами один песок, белёсый, блестящий иногда кристалликами кварца и очень горячий. Водная гладь, мелькнувшая между лысых холмов с чудом зацепившимися за их края пучками занесённых ветром трав, подёрнута лёгкой изумрудной рябью. До холма ещё идти и идти, выдёргивая ноги из зыбучей россыпи, аккуратно обходя торчащие куски металла. Даже здесь, в этом райском уголке, земля щетинилась толстой проволокой, усищами арматуры, ржавыми штырями и скрученными обломками труб. Нет, живи ещё хоть четверть века, хоть четверть тысячелетия и даже дольше, ничего другого тут не увидишь. Не в силах изгадить небесную высь, слепящий солнечный диск и мировой океан, человек обрушит свою злобу и ненависть на красоты природы и постепенно превратит всю Богом данную планету в одну смрадную помойку с небольшими оазисами для избранных. Будут летать межгалактические звездолёты и персональные компактные аэропланы, наручные часы вберут в себя компьютер, телефон, телевизор и ещё неведомо что, гениальная инженерия, ремонтируя клетки, продлит на века жизнь мозга и тела, но под ногами всё так же будет сплошная грязь, использованная тара и ненужные вещи.

Вокруг никого. Лишь птичий базар, перемещающийся с одного песчаного хребта на другой. Но и он далеко. Только одинокие чайки кружат над водой, высматривая пропитание.

Он не был здесь семнадцать лет, но ничего не изменилось в знакомом пейзаже. Перекроилась карта мира, исчезли апартеид и ленинизм, появились компьютеры, факсы и сотовые телефоны, всю землю опутал незримой паутиной интернет, наступило новое тысячелетие, а вырытый несколько десятилетий назад и заполненный прозрачной водой песчаный карьер несколько не утратил свой облик и словно не заметил случившихся перемен. Те же отмели, те же дюны, тот же птичий гомон, то же ощущение центра мироздания, та же картина опоясывающего горизонта, та же раскалённая сковородка под ногами и то же жгущее лучами светило над головой.

Помимо мусора попадают и крупные гальки, обломки твёрдых пород, причудливые окаменелости. В некоторых – вкрапление бирюзовых блёсток, иногда – следы чьих-то лап и клешней. И вся цветовая гамма как на ладони.

Земснаряд продолжает намывать песок. Кто управляет им – Бог весть, этого никогда не видно. Вдруг что-то начинает урчать, потом журчать, сверху вниз устремляется пенный поток, потом всё внезапно затихает, словно в чертогах Черномора. Кому это нужно теперь? Впрочем, видно вдалеке, как гружёные составы увозят по одноколейке сероватые пирамиды. Значит, теплится ещё какая-то жизнь на стройках, значит, бетон не тащат пока из Новой Зеландии, как сливочное масло, или с Кубы, как картофель.

Он должен был добраться сюда. Хотя бы один раз. Именно это место вырисовывалось отчётливей всех в дымке воспоминаний детства, юношества. Исколесив полсвета, он часто видел его во сне и не мог не взглянуть наяву. Хотя и понимал: вернуться – значит потерпеть

полный крах, значит признать конец чудесного плавания по иным далям. Любимое место, став символом нелюбимой эпохи, и манило и пугало. Посетить его мимоходом нельзя, сюда можно прийти только насовсем, а та, другая жизнь, как дикий скакун: если сбросит, то навсегда, больше не даст себя оседлать. Хорошо, когда есть где утешиться, но лучше не испытывать чувств, требующих утешения.

Впереди последний холм. Подножье, похоже, сдалось залётным семенам и усеяно разнотравьем. Даже цветы какие-то растут. Верно: и ромашки тут, и фиалки.

За холмом раньше была небольшая излучина. Неужели земснаряд её не уничтожил? Откуда же тогда сосёт он свою пульпу? Да, цела. Ну и чудеса!

Ещё совсем недавно он одним росчерком пера мог остановить, вышвырнуть отсюда вон бессмысленную дедовскую машину и прибрать к рукам эти просторы. К своим рукам, к которым и так прилипло немало, в сто, тысячу раз больше. Но то ли забыл, то ли не решился... Сейчас уже всё равно.

Теперь можно бросить велосипед, нет-нет да и бьющий педалями по ногам, можно скинуть с себя всё, абсолютно всё, плюхнуться навзничь в песок и принять в бледную плоть несмысливаемую бронзовую краску. Полежишь так дня два-три – станешь ходячим памятником.

Очень хочется пить, но позволять себе такие слабости нельзя. Лишь перед обратной дорогой. Иначе вся бутылка уйдёт в считанные минуты. Терпеть, терпеть и не думать о жажде!

Кажется, маленькая точка на воде движется именно сюда. Для рыбы или нутрии великовата. Опытный глаз ищет вокруг следы присутствия подобного себе существа. Так и есть: метрах в двухстах валяется велосипед. Складной, дорожный, без верхней рамы. И лежат какие-то тряпки, а из-под них торчат носки не то вьетнамки, не то сандалий – поди разбери на таком расстоянии.

Нужно подождать, пока точка превратится хотя бы в пятно, и будет понятно, кто осмелился нарушить его одиночество. Планы он менять, конечно, не будет, но и место под солнцем выбрать не спешит.

Да, ничто не изменилось с тех пор. Плывёт, несомненно, девица. Вдруг опять хорошенькая? Нужно подойти ближе. Это только большое видится на расстоянии, а красивое – лишь вблизи.

Он продолжает свой путь. Уже без велосипеда в руках. И без футболки. Они остались на песке. И вот вода у самых ног. Он присаживается на корточки и пробует её рукой. Тёплая. Ласковая. Чистая. Видно дно, ракушек, спящих мальков. Это явно лишнее: значит, скоро жди здесь рыбаков.

Девица приближается к берегу. Она может отклониться правее, в сторону своей поклажи. Но её почему-то тянет прямо на него. Место тут глубокое, встать на ноги до последнего гребка не удастся.

И вот она выходит. Между ними метров двадцать, не больше. Юная, загорелая, особенно руки, плечи и ноги.

Господи, неужели она?! Нет, такого быть не может. Небо, солнце, вода, песок не меняются годами, веками, эпохами, а человек обязательно постареет за семнадцать лет.

– Здравствуйте, – слышится над головой.

– Люба? – неуверенно спрашивает он, понимая глупость вопроса.

– Вы, наверное, знаете мою маму? – удивляется девица. Она не торопится вытереться и одеться. Впрочем, в такую жару это совсем не обязательно, а последний стыдливый покров был при ней и в воде.

Вот в чём загадка! Она похожа на мать и понимает это. Семнадцать лет назад так выглядела другая девушка, а сейчас перед ним её дочь. Не дочь даже, а точная копия.

– Меня Мирра зовут. Я в Московском живу. И на улице Московской.

Всё правильно – она. Почти соседка. А познакомились в шести километрах от дома.

– Вадим Сергеевич. Между прочим, у меня дача тоже в Московском и тоже на Московской.

И посёлок и улицу давно переименовали, но особым шиком у местных считается пользоваться старой топонимикой. Так в России принято почти везде. Коренные вятские никогда не назовут свой город Кировом. И для истинного москвича Немецкая, на которой родился Пушкин, связанная с историей Петра, никогда не будет носить имя ветеринара, случайно убитого в уличной драке.

Девушка удивлена:

– Почему же я вас раньше не встречала?

– Наверняка встречала, только внимания на старика не обратила.

– Да будет вам! Какой же вы старик? Мне вообще солидные мужчины больше нравятся, – кокетливо отвечает она напрашивающемуся на комплимент незнакомцу. – Наверное, вы недавно дачу купили? У нас теперь часто продают.

– Я здесь с самого рождения. Но давно не приезжал. Целых семнадцать лет некогда было отдохнуть.

– Семнадцать лет! – восклицает она. – Тогда понятно. Мне только шестнадцать на Троицу исполнилось.

А не скажешь. Выглядит намного старше. На девятнадцать уж точно. Впрочем, в сорок пять такая разница не кажется существенной.

– Как поживает мама? – не задать такой вопрос невежливо, раз открылось, что они знакомы.

– Хорошо. Недавно уехала на юг. В отпуск. Я одна осталась.

– Значит, и отец вместе с ней?

– Отец нас давно бросил. Я его совсем не помню. Бабушка только изредка заезжает. Она в Москве живёт.

– Учишься или работаешь? – с дочерью старой знакомой незачем церемониться: обращаться к ней, конечно же, надо на ты.

– В одиннадцатый класс перешла. Скука жуткая!

Откровенный ребёнок. Во всём. И стоять перед ним в одних трусиках не стесняется. Впрочем, мы всё-таки Европа, а не Азия. Хорошо, что молодёжь это понимает. Да и он ведёт себя как европеец и не очень-то разглядывает её тело. Оно ведь, как у матери. Он его наизусть помнит.

2

Она давно мечтала о такой романтической встрече.

Не знала только, с кем она произойдёт. Обычно ей рисовался в воображении высокий статный джентльмен лет тридцати – тридцати пяти, пытающийся подъехать к пляжу на «Мерседесе» и застревающий в песках. Одному ему машину не вытолкнуть, рядом ни души. Он начинает звонить по сотовому в сервис, но не может объяснить дороги: сам здесь в первый раз. И тут появляется она. Притаскивает две доски, оставленные рыбаками в камышах: ему бы ввек не найти. Подкладывает под колёса. Он садится за руль, она толкает машину. С десятого, нет, с двадцатого раза «Мерс» сдвигается с места. Они на радостях лезут вместе в воду. И там он начинает её целовать.

Всё прошлое лето рвалась она на пляж, но лишь в середине июля распогодилось настолько, что можно было на что-то рассчитывать. Ни единого погожего денёчка не пропустила. Увы, ни одна рыбка не клюнула. И даже рядом не проплыла.

Этой весной она стала встречаться с мальчиком. Он ей нравится, он умный, обходительный, с ним хорошо и спокойно, и всё же солидный мужчина не выходит из головы.

Днём кавалеру не до неё. Решает задачки, готовится к поступлению в институт. Свидания у них по вечерам. Прогулки в лес. Как у старушек: на сон грядущий, чтобы пилюлю лишнюю не принимать. Она, конечно, всё понимает: у человека судьба решается. Из Толика может получиться хороший муж. Но под венец ей ещё рановато. Жизнью хочется насладиться. Сполна насладиться. Пока есть ещё свободное время. Пока никому ничем не обязана. Вот и тянет опять на пустынный пляж, где можно ни души за день не встретить. Зато если встретишь – совсем другая картина, чем в толчее у соседнего озера, где друг через друга перешагиваешь, чтобы до воды добраться.

Уже целую неделю стоит жара, иногда приманивающая сюда людей. За год она поумнела и понимает, что на «Мерседесе» и метра по здешнему песку не проедешь. Коль и найдётся такой сорвиголова, то застрянет на дальних подступах к карьере. Тут и джипу не пройти. Высматривать нужно дорогой маунтинбайк. И не придумывать заранее никаких сюжетов. А он пусть будет просто симпатичный, не молодой, но и не очень старый, главное, из другого мира, куда самой ей просто так не попасть. Есть же этот другой мир, где люди не так едят, не так пьют, не так одеваются, не так говорят и даже любят не так, как окружающая её серость. Толик обязательно в этот мир прорвётся и её с собой возьмёт. Но ему ещё надо в университет поступить, выучиться, себе дорогу проторить. Сколько же ждать придётся? Годы! Да она уже через несколько месяцев с ума сойдёт, если ни разу не побывает, хотя бы недолго, в том заманчивом зазеркалье, которое показывают каждый день по телику, расписывают во всех красках в книгах и журналах! Тогда уж лучше совсем не жить. Войти в воду и не выходить. Хоть рыбкам удовольствие доставить.

Но, кажется, сегодня её терпение и упорство вознаграждены. Это несомненно он. И велик классный. И сам такой энергичный, подтянутый. С виду не меньше сорока. Это даже лучше. Наверняка, положения хорошего достиг, хозяин, а не менеджер какой-нибудь. Позволить себе в четверг в середине дня не спеша вышагивать по дикому пляжу может либо хозяин, либо бездельник. На бездельника явно не похож: выправка не та. Бездельника издалека видно: разгильдяйская у него походка. А тут – пружинистая, уверенная, сосредоточенная.

Надо действовать. Лучше заговорить первой. С чего начать? Да чего тут мудрить! Поздороваться, а после ответа представиться, адрес свой сразу назвать. Мужчины, хоть и наивные существа, такие намёки хорошо понимают.

– Здравствуйте.

– Люба?

Ну и дела! За мать её принял. Она действительно на неё очень похожа. И всё-таки не очень приятно, когда тебя путают с женщиной, которая старше на двадцать лет.

– Вы, наверное, знаете мою маму?

Молчит. Может, ещё на кого-нибудь подумал.

– Меня Мирра зовут. Я в Московском живу. И на улице Московской.

– Вадим Сергеевич. Между прочим, у меня дача тоже в Московском и тоже на Московской.

Похоже, клюнул. Уже проводить собрался. Как же он там отвертится? Не надо ставить его в глупое положение. Мужчины такого не прощают. Расставим сразу все точки над i:

– Почему же я вас раньше не встречала?

– Наверняка встречала, только внимания на старика не обратила. Прекрасно! Теперь можно выдать главную тираду:

– Да будет вам! Какой же вы старик? Мне вообще солидные мужчины больше нравятся.

Но надо вернуться и к главному вопросу, не давая сменить тему:

– Наверное, вы недавно дачу купили? У нас теперь часто продают.

Мяч на его стороне. Пусть отбивается.

– Я здесь с самого рождения. Но давно не приезжал. Целых семнадцать лет некогда было отдохнуть.

Ничего себе поворотик!

– Семнадцать лет! Тогда понятно. Мне только шестнадцать на Троицу исполнилось.

Значит, действительно с мамой спутал. Небось, за ней в молодости приударял.

– Как поживает мама?

Так и есть. Иначе зачем бы спрашивал.

– Хорошо. Недавно уехала на юг. В отпуск. Я одна осталась.

Теперь-то поймёт, наконец, куда она клонит?

– Значит, и отец вместе с ней?

Всё ясно: мать не может забыть. Выясняет, есть ли кто у неё.

– Отец нас давно бросил. Я его совсем не помню. Бабушка только изредка заезжает. Она в Москве живёт.

Нет, нет никого во всём доме. Заходи когда захочешь. Делай что хочешь.

– Учишься или работаешь?

Ну ты даёшь! Про отметки ещё спроси.

– В одиннадцатый класс перешла. Скука жуткая!

Вот так! Нечего больше об этой дурацкой школе говорить.

Молчит. И смотрит куда-то в сторону. Может, смущается.

– Ничего, что я в таком виде?

Наконец на грудь взгляд уронил. Но недолгий. Неужели не нравится?

– Я уже привык. Там, где мы обычно отдыхаем, все женщины ходят topless.

Значит, из загранки не вылезает. Ценный кадр! И каким ветром его сюда задуло? Что ж, наглеть так наглеть!

– А загораю я вообще-то без трусиков. Купаться в них приходится: вдруг какой-нибудь маньяк пройдёт по берегу и утащит, пока я в воде.

– Сегодня можешь не бояться: я покараулю.

Класс! Надо сразу же ловить на слове.

– Вот спасибо. Держите.

Раз, два и готово! Сначала нужно их отжать, потом сложить. И протянуть с улыбкой, на ладошке. Ну а дальше – снова в воду. Пусть сам теперь решает, что делать.

3

Девятнадцать было той девушке, когда они расстались. Собственно, и расставанием это трудно назвать: кончилось лето, он вернулся в Москву, закрутился, завертелся, а потом как закружила его карусель: перестройка, гласность, демократизация, выборы, путч, приватизация... И пошло-поехало. Какая там дача!

Нет, без дачи не обошлось. Но этим словом назывался дворец, с прислугой, правительственной связью, огромным садом, высоченным забором, охраной. Там романы заводить не с кем. Там и мать родную забудешь.

Теперь он снова здесь. Очередной зигзаг судьбы оказался круче обычного. Раньше его тоже сбрасывали с парохода. Но он выплывал, догонял и залезал опять на борт как ни в чём не бывало. Не утонул и сейчас. Только быстроходное судно уже далеко. Приходится причаливать к старому берегу.

Дожил, что оказался в отпуске. Не в краткосрочном, среди коллег и соратников, в центре всеобщего внимания, с ежедневными докладами помощников и совещаниями, коллективными развлечениями и приездами разных делегаций, а в самом заурядном, обывательском. В старом родительском доме, где уже не понятно, кто хозяин.

Раньше ему здесь нравилось, было очень интересно. Он долго испытывал тягу к этому странному местечку, где спокойно уживались учёные и торговки, отставники-офицеры и водопроводчики, писатели и безработные алкоголики, где о людях судили не по званиям и профессиям (их редко кто знал), тем более не по доходам, а по умению ладить с соседями, воспитывать детей, чинить изгородь, ухаживать за зеленью между дорогой и участком, не отлынивать от всеобщей добровольной повинности сдавать сухое сено местному колхозу. Хочешь не хочешь, а десять килограммов накоси, профессор ты или лауреат. И ведь косили! Те из школьных товарищей, кто имел свои дачи, жили, как правило, в кругу равных себе по социальному положению, за большим общим забором, со сторожем и широченными воротами, куда не только автомобили чужие не пропускали, но и пешему не пройти. Он же оказался в чудном посёлке, где селились все кому не лень. Большинство жило здесь постоянно и косо смотрело на летние наезды из столицы благополучных с виду людей, пользовавшихся невиданной по тем временам роскошью иметь *две жилплощади*. Понятия о справедливости были тогда совсем пещерными: если у соседа на шкуру больше, чем у меня, значит, он плохой человек. Взрослые, особенно женщины, не отказывали себе в удовольствии поворчать на тему избыточных привилегий. Чаще всего это происходило в часовых очередях за продуктами в местном подобии гастронома с неизменным портретом вождя мирового пролетариата в окружении липучек, усеянных навсегда завязшими на их коварной поверхности мухами. Всегда находилась баба, начинавшая причитать: «Понаехали из Москвы, вот и стой теперь за молоком до вечера. Надо им совсем запретить в наш магазин ходить». Переждав длительный гул одобрения, какая-нибудь невоздержанная гражданка интеллигентного вида обязательно подливала масла в огонь: «А вы тогда в наши не ездите. Там тоже очереди большие из-за приезжих». Тут и возникало противостояние стенка на стенку. К домовладельцам присоединялись дачники, то есть сезонные арендаторы, на которых неплохо наживались постоянные жители, их же и ненавидевшие. Общий контингент москвичей имел летом изрядное преимущество над местными. Кончалось тем, что от тех и от других доставалось нерадивой власти: ведь по её вине прилавки пусты и за всем приходится мотаться в столицу. То ли дело при прежних правителях: в любом магазине мясо лежало. В толпе ни разу не обходилось без провокатора, уточнявшего: по карточкам. Начинали выяснять, сколько лет длилась карточная система, кто её ввёл и кто отменил. Более смелые, достигшие почтенного возраста и имевшие моральное право на такую крамолу, вспоминали, что при царе и продукто́в на всех хватало, и деньги у каждого водились, и карточек никто отродясь не видал. Тут все смолкали, потому что упоминать в ответ Гришку Распутина, Ленский расстрел и Кровавое воскресенье вроде бы не к месту, а других аргументов ни у кого обычно не находилось.

Стоя с мамой в очереди, можно было изучить новейшую историю без всякого учебника.

Но самым колоритным местом считалась керосиновая лавка, как называли по старинке поселковый хозяйственный магазин.

В правом дальнем углу, не защищённый никакими средствами противопожарной безопасности, стоял огромный открытый чан, откуда мерным литровым черпаком (был ещё и поллитровый), приговаривая вслух количество налитого, продавец наполнял канистры и прочие ёмкости покупателей. Две стены, отделённые от посетителей углообразным прилавком, снизу доверху ломились от разного товара. Вперемежку со скобяными изделиями стояли и электроутюги, и транзисторные радиоприёмники, и изысканный фарфор, и дорогой хрусталь. Красивая подарочная чашка упаковывалась теми же руками, которые только что разливали керосин.

От одного окурка всю эту постройку вместе с людьми и утварью разметало бы на сотни метров, но народ терпеливо дышал ядовитыми парами, выстаивая очередь за дверным засовом или черенком для лопаты, и не боялся ни взрыва ни пожара. Здесь вспоминать о чужой прописке было не принято.

Несколько лет назад магазинчик снесли и на его месте построили новую школу. Говорят, самая лучшая во всей области. Даже губернатор открывать приезжал. И его на торжества при-

глашал. Но он не поехал. Не любил он прежнего губернатора: вечно тот напивался как свинья и с всякими просьбами приставал.

Магазин утратил своё главное предназначение ещё в семьдесят первом году, когда керосиновому веку настал конец, а в сознании местных наметился небольшой перелом. В посёлок собирались проводить магистральный газ. Депутаты поссовета, привыкшие к дефициту, разнарядкам и разным ограничениям, хотели запретить врезаться в вожделенную трубу ненавистным владельцам альтернативной жилплощади и подали проект без учёта домов москвичей. В областном тресте всё скрупулёзно обсчитали и выставили каждому хозяину счёт в кругленькую сумму. Но пояснили: если расходы разложить на большее число плательщиков, цена резко упадёт. Природная жадность, как водится испокон веков на Руси, взяла верх: газопроводом милостиво разрешили пользоваться и социально чуждым москвичам. Паевые взносы уменьшились вдвое. Не погнушались даже уговаривать наименее сознательных: мол, присоединяйтесь, пока общую траншею не закопали, потом дороже встанет, потому что улицу рыть за свой счёт придётся.

Раньше говорили: дружба дружбой, а денежки врозь. Острословы переиначили народную мудрость, придав зеркальное отражение каждому слову: вражда враждой, а денежки вместе.

С телефонами оказалось проще: окончательное решение принимал районный узел, не особо вникавший в подробности социального состава очередников, а в очередь вставали без предъявления паспорта. Связисты любили порядок и подключали всех по списку. Ещё больше любили ходатайства на красивых бланках, но возможностей такого подспорья у влиятельных москвичей существовало гораздо больше. Поэтому уже в семьдесят втором на некоторых дачах стал раздаваться непривычный для загородной тишины прерывистый зуммер.

Если антагонизм взрослых находил выход в язвительных словопрениях и спорах в различных инстанциях, то у детворы всё обстояло куда проще: по шее – и весь разговор. Дружба местных с москвичами почти исключалась и случалась лишь с непосредственными соседями, и то изредка. Везло тому, у кого через забор жил какой-нибудь заводила или парень постарше. К его знакомым обычно не приставали. Остальные рисковали получить фингал под глаз просто так, ни за что, по факту имущественного положения, как кулаки или середняки свои девять граммов в период массовой коллективизации.

Казалось бы, попробуй отними у такого народа в свою личную собственность природные богатства, содержимое недр, газ, нефть, золото, лес, алюминий, алмазы! А ведь приватизировали всё в два счёта. И никто даже не пикнул. Мелковат у нас народец, всё-таки мелковат! Квартире московской завидует, а на виллы средиземноморские и особняки в лучших местах Европы ему наплевать: их из окошка не видно. Акции для него – пустые бумажки. Бери их сколько хочешь, только забор каменный не строй и ближе метра к моему участку сарай свой не ставь. Правильно тогда они придумали надуть всех с этими ваучерами-фантиками. Редко кто их на бутылку водки не променял. И ведь каждому хорошо: один напился на халяву, другой – нефтяную скважину прикарманил. Каждый получил что хотел. Не это ли основа социального благополучия! Только из скважины как текло, так и течёт, и течь будет ещё долго, а бутылка давно порожняя валяется, и за рубль её теперь не сдашь.

Нет, даже если это конец – не зря он жизнь прожил. Эх, не зря! И правильно, что вовремя смылся с этой дачи, окунулся в водоворот событий. Не водоворот даже, а в водопад. И невредим остался. Засидись он здесь, как иные, сосал бы сейчас лапу и проклинал судьбу. А так – ничего больше до старости не делать и жить в своё удовольствие. Смирить бы только гордыню, каждый день, каждый час напоминающую о единственной и безвозвратной утрате – власти.

Лучше б никогда не пить из этой чаши! Привыкаешь хуже, чем к наркотику. Года, месяца, недели этой отравы достаточно, чтобы вождедеть её потом всю жизнь. Без неё такая ломка наступает – хоть в петлю лезь. Одного старика недавно прямо в беседе кондрашкахватила, когда ему, привыкшему всеми командовать, на очередь указали. Говорят, даже у актёров,

игравших царей и прочих правителей, не всегда получается из роли этой выйти. А ведь, может быть, полжизни ещё впереди – живут же некоторые по девяносто лет и больше.

Но беда не приходит одна. Лариса куда тяжелее пережила его потерю. Как муж, он просто перестал для неё существовать. Их супружеское благополучие всегда поддерживалось карьерными взлётами. Падения, даже недолгие, вызывали у неё одну и ту же реакцию: почти физически ощущаемый холод. Однажды он хлебнул его сполна, пытаясь вторгнуться ночью на её половину кровати. Аж в сторону отбросило после лёгкого прикосновения: плоть показалась ледяной, как у покойника.

Не отпуск получается, а испытание. Побудут врозь, каждый для себя решит, продлевать ли дальше иллюзию семейного единства. Терпеть ещё лет десять ради спокойствия дочери, её учёбы и устройства в жизни или пуститься каждому в отдельное плавание уже сейчас, пока шансов на новую удачу гораздо больше.

Обмозговать бы всё это прямо здесь, в уединении, на песочке, в полной тишине и отрешённости от мирских треволнений. Но не получается: тени прошлого преследуют. Опять в воду полезла. Похоже, домой не спешит. А ведь назовись она Любой – поверил бы. Говорят, в районе Курской магнитной аномалии можно увидеть сражения последней войны. Какой-то фокус с материей и временем. Почему бы такому миру не случиться и здесь? Вот было бы здорово: скольких старых подруг можно перевидать!

Надо тоже пойти поплавать. Всё равно загорать по полной программе не получится: неудобно как-то при девчонке возлегать с неприкрытым задом.

Да, поплаваешь тут! Оставила свои плавки и не собирается выходить. А он – сторожи. Вот ещё интересное занятие! Всю жизнь о нём мечтал!

4

Хватит туда-сюда шнырять. Пора бы и передохнуть немного. Лечь на спину, раскинуть руки и ноги и полюбоваться солнцем. Отсюда, из воды, оно кажется совсем другим, не таким беспощадным. Если б можно было, дотемна бы в воде просидела.

А что там папик поделывает? Растерялся. И загорать не ложится и купаться не собирается. Хотя как же он может покинуть боевой пост? Придётся трусы назад напяливать, чтобы его от сторожевой службы избавить.

Из какого же он, интересно, дома? На улице не так много богатых особняков. Неужели?..

Нет, так и захлебнуться недолго и действительно на корм рыбкам уйти. Как же она раньше не догадалась? И старухи об этом на улице шептались, и мама не раз вспоминала. Но где же машина, охрана?

Ах да, ему ведь тоже недавно дали под зад коленом. Теперь у нас новая власть.

Ну и прикол!

Тогда это круто меняет дело. Какая она всё-таки умница, что не уехала с матерью на юг! Ловила бы сейчас брюхатых дилеров и отбивалась бы от провинциальных киллеров.

Хватить разлёживаться. Пора за дело приниматься.

Кажется, вылезает.

Пусть сама караулит свои шмотки, а он наконец окунётся. На этом солнце, наверное, все пятьдесят, если не больше. Уже не только пот выступает, но и содержимое жировой прослойки.

Мать, вылитая мать! Даже ниже талии. Со всеми достоинствами и дефектами. А что, если выбросить ко всем чертям из памяти эти семнадцать лет? Есть исходная точка, куда можно вернуться. И быть самим собой довольным.

Конечно, он никогда не женился бы на Любе. Но отношения их могли бы длиться и поныне: ей-то всего тридцать шесть. Самый сочный возраст. Надо, обязательно надо иметь такую Любу, для которой ты всегда будешь героем, завоевателем, победителем, самым глав-

ным, самым желанным мужчиной. Ну почему он не навёл с ней вовремя мосты, пока ещё был в силе? Казалось, мелочь, когда весь мир лежит у твоих ног. Нет, в жизни мелочей не бывает.

– Спасибо, Вадим Сергеевич. Советую и вам обмакнуться.

Похожа да не во всё. Мать всё-таки была гораздо более скромной, зажатой. Советов никаких не давала.

– Я уже и сам об этом подумываю. Но обременять тебя просьбами не стану. Вдруг захочешь присоединиться.

Конечно, хорошо бы оставить эту тряпку на берегу. Однако нельзя сокращать дистанцию.

– Скажите, вы недалеко от Пушкинской живёте?

Пушкинская – очень странная улица. Если судить по почтовому адресу, то на ней нет ни одного дома, но она – самая длинная в посёлке, прорезает его вдоль насквозь, деля на две половины.

– Да, третий дом от угла. Можешь зайти в гости.

Он! Тот самый! Легенда их улицы.

– И вы ко мне заходите. Я ведь совсем одна.

Хоть это уже и говорила, но такую важную деталь можно и повторить.

– Ты уже уезжаешь?

Ещё чего! Теперь только вместе.

– Нет, мне спешить некуда.

Маслом кашу не испортишь.

– Мне тоже.

Произнеся эту загадочную фразу, он разбегается, явно стараясь выглядеть моложе и спортивней, чем есть на самом деле, ныряет, проплывает несколько метров под водой и, вернувшись на поверхность, начинает ритмичными быстрыми гребками удаляться от берега. Плыл баттерфляем. В былые времена этот стиль всегда эпатажно действовал на девиц, привыкших только к брассу и кролю.

Ладно, пусть повыпендривается. Пока надо что-нибудь придумать. Притворно тонуть – старо как мир. Умный такую инсценировку сразу раскусит. Нарочно распороть ногу о стекляшку? Больно и глупо. Всё равно домой на велосипедах возвращаться.

Как же заставить его прикоснуться к себе? Но так прикоснуться, чтобы коготок увяз. Ага, есть идея. Значит, пока нужно лежать на спине.

Всего шестнадцать лет! Неужели через три года и его Сашка будет так же клеиться к мужчинам, которые её почти на три десятка старше? Нет, слава Богу, он обеспечил ей другую судьбу. Щеголять перед стариками в костюме Евы – удел неимущих. Такие рано или поздно телом своим торговать начинают. Мораль, говорят, расшаталась. Нет, господа, это и есть тот самый рынок, которого вы так хотели. Вот и получайте. При чём здесь мораль? Простейший экономический закон: если есть товар – его надо непременно продать. У кого тело нетоварное – толкует о нравственности. А любая видная деваха инстинктивно тянется на сцену, в шоу-бизнес, в модели. Больше-то у неё ничего ликвидного нет. Если рылом не вышла – на панель. Так же в науке, так же в искусстве. Талантливый человек всегда найдёт, что можно продать. Недавно одного знакомого драматурга встретил. Да, пьесы не идут, не нужны они сейчас никому. Да и сам он не Шекспир. Пишет сценарии для ток-шоу на телевидении. Нашёл, как говорится, свою нишу. И неплохо зарабатывает. Это только обывателю кажется, что в эфире сплошной экспромт. Всё теперь до мелочей продумано. Всюду свой сценарий имеется.

Ладно, пора и меру знать. Для первого раза хватит. Простудиться и в жару можно.

Лежит. Раскинулась. Глаза закрыты. Но естества больше, чем бесстыдства. И всё-таки дух захватывает. Давно не было у него такого соблазна.

– Ты не уснула? Спать на солнце вредно.

И соски, как у матери. Дерзкие. Манящие. У иных женщин их в упор не видно, а эти издали в глаза впиваются.

– Да, прикорнула чуток. Вы не поможете мне, Вадим Сергеевич?

– Если смогу.

Что ещё она придумала?

– Хочу на живот лечь, а спину защитным кремом помазать руки не достают. Помогите мне, пожалуйста.

Мирра поворачивается на бок, достаёт из сумочки тюбик, протягивает ему.

– Погуше или поэкономней?

– Поэкономней. Жару надолго обещают, надо на несколько дней растянуть. Понятно, куда клонит.

– Тебе мама денег на жизнь оставила?

– Оставила. На хлеб, молоко, овощи. Картошка у нас в подвале ещё с осени лежит. Варенье яблочное с прошлого года. Мне много не надо.

Эх, а кому надо много? И всё-таки каждый из кожи вон лезет, чтобы мошну побольше набить.

– Попку мазать?

– Спасибо, там я и сама могу.

– Да ладно, мне не трудно.

Руки его скользят вниз.

Ну, уж совсем-то вниз не нужно. По крайней мере сейчас. Нечего туда раньше времени пальцами лазить, секреты девичьи раскрывать.

– Ой, мне щекотно.

– Хорошо, больше не буду.

– Спасибо вам, Вадим Сергеевич.

Кажется, рыбка насаживается на крючок. Но такую крупную сразу дёргать опасно. Пусть зацепится понадежней.

– Извините за любопытство: вы на выходные приехали?

Вопрос, конечно, глупый: сегодня только четверг. Но надо же выяснить его планы.

– Нет, в отпуск. На целый месяц.

Вот это удача!

– С семьёй?

– Жена на юге отдыхает. Как твоя мама.

– Не боитесь её одну отпускать?

– Она не одна. С ней дочка.

– Взрослая?

– Нет, моложе тебя. В восьмой класс перешла.

Клёво! Недельки три им гарантированы.

А вдруг у него есть подружка, и он нарочно услал жену подальше? Не может у такого мужчины никого не быть.

И пускай! Где она сейчас? Пасёт козла в огороде. Значит, не шибко умная. Главное – иметь простор для честной конкуренции.

Домой их заставили собираться рыбаки, ближе к закату притопавшие в своих болотных сапожищах за ночным уловом.

Глава вторая

1

Александр Ланской с годами привык к летнему зною и июльские жары переносил довольно легко. А чего бы и не привыкнуть человеку свободной профессии! На работу ходить не надо, в город ездить не обязательно – сиди себе в тенёчке в одних трусах да радуйся несомненной Божьей благодати: животворящему теплу, наполняющему соками тянущуюся к солнцу флору, умиротворяющему фауну и только у человека вызывающему эгоистическую неприязнь. Вот вам и высшее творение Господа: его же дары отвергает, поносит, выказывая не только полное невежество, но и вопиющую неблагодарность.

Так думал уже тронутый сединой мудрец сорока пяти лет, величественно восседая под тентом на собственном участке. Этот прямоугольный лоскуток с неполную осьмушку гектара удовлетворял всю его безмерную ностальгию по былым временам, когда самого его ещё не предвиделось на белом свете. Ностальгию, понятно, генетическую, подсознательную. Но мало кому в наши дни удаётся погружаться в глубины этого бездонного колодца человеческого интеллекта с пользой для окружающих. Именно такая способность и составляла суть литературного таланта Ланского, не блиставшего мастерством стилиста, имевшего весьма скудную изобразительную палитру, но неизменно удивлявшего своей виртуозной способностью извлекать из заветных закоулков души персонажей, чаще исторических, тайны их труднообъяснимых поступков.

Начало положило недоумение, с которым маленький Алик, чьё детство пришлось на первые попытки освоения космоса, наблюдал за радостью взрослых от запуска очередного пилотируемого корабля, тогда как к гораздо более близкой нам оси Земли почему-то не стремилась ни одна живая душа. Ведь не от веры же в фольклорное описание местоположениярая и ада тянулись учёные ввысь, совсем забывая земную твердь. В запредельных скоростях и бесконечной синеве виделась романтика, а борьба за каждый метр геологических наслоений казалась малоинтересной рутинной. Любознательный ребёнок, наоборот, безразлично относился к неподвластным уму миллиардам километров и миллионам световых лет, зато живо интересовался тем, что лежит у него под ногами на глубине всего-то шесть с небольшим километров – пешком за день одолеешь. Но вот уж тайна из тайн! От желания её разгадать и специальность он выбрал себе самую заурядную – геофизика, а точнее – геоакустика, пытающегося по распространению упругих волн в земной коре исследовать её строение.

Но увлечение структурой недр оказалось недолгим. В научно-исследовательском институте, куда Ланской попал не столько по распределению, сколько по благу (хотя всё было оформлено должным образом), профессиональные знания ценились не очень высоко. Они подразумевались а priori: не будет же непосвящённый служить в храме науки с его вековыми ритуалами, нарочитой церемонностью и неизменными канонами. Трудолюбивый сотрудник, досконально владеющий теорией и умеющий применять её на практике, личностью здесь не считался. Куда важнее ценилось знание таких туманных и малонаучных, на взгляд любого естествознателя, предметов, как любомудрствование и изящная словесность. Разумеется, не в тех проявлениях, что были доступны всем, а скрытых глазу, существовавших латентно по причине расхождения с некоей *генеральной* линией.

Привыкший заглядывать в потаённые глубины, повзрослевший Алик нашёл для себя удовольствие в открытии и этих кладовых, манивших тайной катакомбного существования. Монбланы марксизма-ленинизма, подавлявшие размерами, обязательностью изучения и цитирования, скукожились в его сознании до размера песчаного кулича из детского ведёрка, стоило

ему познать прозорливость истинных философов, отплывших от родных берегов не по своей воле. Одна маленькая книжечка о нищете учения, которое «всесильно, потому что верно», затмила десятки томов, нудно излагавших существо этой набившей оскомину доктрины. Так же и в литературе. Добротнo изученные произведения школьной программы – основные и по внеклассному чтению – померкли в одно мгновение перед «Собачьим сердцем», «Доктором Живаго», «Даром» и «Котлованом». А всенародно оплётанный и изгнанный Солженицын моментально вознёсся над всеми своими хулителями, слепо верившими в бессмертие идей человека, разоблачённого им с железобетонной логикой истинного мыслителя и с особым изяществом стиля.

Вскоре молодой эмэнэс стал достойным собеседником более старших коллег, уже защитившихся и тративших свободное и почти всё рабочее время на дискуссии философской и беллетристической направленности. Помимо удовольствия от гармоничности целого он получал наслаждение и от раскрепощённого слога, и от вольности суждений, и от смелого полёта фантазии, немыслимых им раньше в сочетании с картинами окружающей действительности. Ему казалось, что так писать можно только о днях давно минувших. Опыт малоизвестных доселе писателей настойчиво толкал на новую стезю.

Он пошёл в аспирантуру. Этот шаг, такой естественный и необходимый в его положении, таил особый смысл. Сдать за три года три экзамена и обобщить собственную работу было для способного человека плёвым делом. Положение аспиранта давало несравнимо более важное – свободу для исследования других толщ, не менее заманчивых. Так новая страсть притягивала к себе и незаметно стала всепоглощающей.

За время Аликова аспирантства в стране сменилось четыре правителя. Первый унёс в могилу тайну сокрушения своего предшественника, второй – тайну наглых вторжений кованого сапога в чужие пределы, третий – тайну превращения молчаливых не только в фамусовых, но и в романовых. Четвёртый едва заступил на вахту и пока эпатировал всех своей открытостью, способностью к человеческой речи и далеко идущими обещаниями.

Молодости свойственно верить. Не проживший на земле и трёх десятков лет Ланской поверил этим обещаниям и понял: пора менять кожу. Предчувствие подсказывало: наступает новая эра, но недолгая, как и всё хорошее в российской истории. Земная кора пока подождёт. К ней можно вернуться и в шестьдесят, при очередном вожде. Сейчас же надо пробовать своё перо.

2

Жара к вечеру не спадала, а только переходила в *духоту*: так двойко воспринимает человеческий индивид одно и то же погодное явление в разное время суток.

Ланской после обеда (если можно назвать им запивание полутора литрами домашнего кваса салата из огурцов, помидоров и редиски) натянул зачем-то шорты и занял прежнее место в саду. Работать он не хотел и не мог, хотя тешил себя иллюзией, будто всё-таки трудится над новой рукописью, придумывая хитросплетения сюжета. Он действительно погружался в фантазии, сидя в шезлонге, но потом, оставаясь наедине с листом чистой бумаги, выводил подчас совсем другое. Впрочем, какая-то польза от такой подготовительной работы всё же была.

Сейчас он вынашивал повесть о своём дальнем родственнике, жившем в восемнадцатом веке. Этот молодой человек не совершил ничего геройского, не написал ни строчки, даже не продлил свой род. И всё же оставил неизгладимый след в истории государства российского.

А всё потому, что его любила сама императрица.

Любила в числе многих, но каждый из облаканных ею мужчин, по неумолимой логике филистеров всех времён и народов, становился частью вечности, достойной сохранению в

памяти народа. Увы, мещанская страсть к вуайаризму приняла в наши дни гипертрофированные размеры. Не умеешь подглядывать в замочные скважины – лучше не берись за перо. Скоро эту науку в Литинституте преподавать придётся. Судите сами: роман хороший едва ли издашь тысяч в пять экземпляров, а тираж мемуаров вздорной девицы, якобы спавшей с всенародно почитаемым актёром, достиг шестизначной величины. У бедняги, погибшего совсем молодым, остались жена, дочь, тоже прекрасные актрисы, для них эти откровения свалились как снег на голову, разбередили едва затянувшуюся рану, но толпа, всех их по-своему любившая, упивалась бульварным чтивом, вынуждая предприимчивого издателя выпускать один завод за другим. Ланской знал эту особу, безуспешно пытавшуюся писать. Препротивная и вульгарная, с отталкивающей внешностью и сиплым голосом, склонная к алкоголю и истерикам, она могла вызвать у любого нормального мужчины только рвотную реакцию. Он и в страшном сне представить себе не мог красавца и любимца женщин рядом с ней. Да ничего и не было, просто с лёгкой руки некой скандальной журналистки в моду вошёл новый жанр – самооговор. Борцы за равноправие прекрасного пола даже не заметили весьма существенный нюанс: оглашение мужчиной мнимого адюльтера – возмутительная клевета, взывающая к незамедлительному отмщению. Облыжный поклёп, возведённый дамой на отца семейства – всего лишь милая шутка, способная только возвысить, а не унижить жертву навета. Так где же равенство, господа?

Всеядное бюргерство не щадило и теней прошлого, подходя к ним тоже разными мерками. Но акценты здесь были иными, смещёнными в противоположную сторону. Оказаться фавориткой коронованной особы почиталось высокой честью. Это считалось не клеймом позора, а знаком высшего достоинства, сопряжённого либо с неземной красотой, либо с ангельским обаянием, либо с недюжинным умом. Ошибочно причисленные к числу избранных могли только благодарить судьбу, посмертно пославшую им счастье стоять в одном ряду с первыми дамами государства.

Любимцев же цариц и королев ненавидели все и всегда. Даже несомненные качества этих несчастных, приведшие к несмываемому позору, с годами отрицались, карьера их объявлялась незаслуженной, подвиги – приписанными, таланты – ничтожными. Все скопом наделялись они свойствами трусов, интриганов, своекорыстных искателей лёгкой жизни и губителей государства, словно влезли в августейшие альковы исключительно по собственной злой воле, пользуясь природной женской слабостью.

К соблазнённым высочайшими ловеласами и покинутым затем женщинам относились с жалостью, особенно если ломалась их судьба, семейная жизнь или общественная репутация. К брошенным фаворитам человечество издревле испытывает нескрываемое злорадство, и даже бессудные и беспричинные казни их почитает за проявление высшей справедливости. Ни к кому и никогда не была так сильна неприязнь, как к красавцу, перед чарами которого не смогла устоять венценосная дурнушка.

И в отечественной истории далеко за примерами ходить не надо. О любовницах царей вспоминают с почитанием и придыханием. Имя Анны Монс окружено ореолом романтики. Историки ищут её домик, рестораторы называют в её честь свои заведения. Даже Натали Гончарову возвышает в глазах невежественного мещанства не то, что она была музой величайшего из русских, а то, что на неё положил глаз государь. Что уж говорить о Катеньке Долгоруковой, обманывавшей умирающую императрицу прямо в Зимнем дворце. Умница, красавица, душенька, ангел небесный! Матильду Кшесинскую поставил в один ряд с великой Анной Павловой отнюдь не талант танцовщицы (способности были весьма скромны), а блуд с двумя царевичами сразу, один из которых стал впоследствии императором.

Напротив, великий государственный ум князя Василия Голицына, передовой даже для тогдашней Европы, напрочь перечёркнут его любовной связью с правительницей Софьей. Почти все реформы содрал Пётр у невенчанного мужа сестры и его же сослал в северную глушь, лишив не только прижизненных, но и посмертных почестей. А фельдмаршал Потёмкин? Все

его успехи приписаны Суворову, имевшему осторожность не засветиться в державной опочивальне. И уж полным кретином остался в обывательском сознании другой фельдмаршал – Алексей Разумовский, морганатический супруг бедняжки Елизаветы, которая не могла выйти замуж в другую страну, а увлечь иноземного принца не сумела: полюбила лихого малоросса, чем открыла дорогу к российскому престолу голштейн-готторнской династии прямых потомков герцога Карла Фридриха. Ещё меньше повезло Бирону.

Несть числа таким примерам.

Вот и Александр Дмитриевич Ланской, его полный тёзка и однофамилец, из того же ряда.

Июльский зной заставлял невольно думать о тяготах светской жизни эпохи классицизма, когда солнце вряд ли палило слабее, но ни дамы ни кавалеры и помыслить не смели даже в укромном уголке собственного сада подставить светилу хотя бы маленькую толику белёсой плоти. Да и спать ложились в рубашках до пят и колпаках на голове. Каким же раскрепощением должна была казаться греховная интрижка, хоть со старухой! Не тяга ли к избавлению от тиранящих тело одежд толкала в их объятия? Куда угодно, лишь бы сбросить последние покровы! Вот почему сильна в русском народе любовь к баням, месту, где можно прилюдно щеголять в чём мать родила.

Ланской понимал, что лишь малая толика рассуждений о наготе войдёт затем в повесть о целомудренных временах Екатерины, возможно, одна только мысль, часть фразы, причастный или деепричастный оборот, но прежде чем положить её на бумагу, надо прочувствовать тему, пропустить через капилляры сознания тактильные ощущения, смоделировать гипотетические ситуации. И это тоже работа, а для неё годится и шезлонг в саду.

Вот только никак не втолкуешь этого Наташе. Наташа – настоящая соратница, верная подруга, терпеливая жена, замечательная хозяйка, но не дано ей понять тонкостей таинства, являющего на свет чудо из чудес: новое, оригинальное, неповторимое даже своим создателем сочинение. Всегда ей хочется приспособить сидящего с отрешённым видом или закрытыми глазами (о нет, это не сон, всего лишь погружение в другую реальность) мужа к какой-нибудь бестолковой хозяйственной повинности, давно уже механизированной в цивилизованном мире.

– Всё равно сидишь, полил бы огурцы, – слышится с крыльца.

Господи, везде это делают распылители, вращающиеся над грядками и нежно обрызгивающие их искусственным дождём, стоит лишь включить систему, подсоединённую к обыкновенному водопроводу. У нас, по старинке, тянется дырявый шланг или берётся в руки дедовская лейка, содержимое которой попадает обычно не столько на посадки, сколько на обувь поливальщика. Да и зачем их поливать, если ночью обещают дождь. И вообще не стоило сажать ради копеечного урожая: больше двух вёдер вряд ли наберётся, а соседка ведро за десятку продаёт. Может ещё дешевле уступить, чтобы не стоять полдня возле шоссе на пекле и не дышать выхлопными газами.

3

С Наташей познакомились они случайно. Про всех своих предыдущих дам сердца Ланской такого сказать не мог: с одной учился в школе, с другой – в институте, с третьей жил по соседству, с четвёртой, ставшей на короткое время женой, занимался вместе в спортивной секции, пятая была дочерью маминой подруги, а шестая – папиного начальника. И лишь седьмая оказалась той самой таинственной незнакомкой, с которой дело быстро пошло на лад: через месяц – предложение, через два – свадьба.

Столкнулись они в январское утро на шумном и многолюдном митинге. Москва негодовала из-за убийства ни в чём не повинных людей у вильнюсского телецентра. Алик решил впервые в жизни присоединиться к протестующим. У него были на то свои основания: в Тал-

лине родилась его бабушка, оставившая на память коллекцию эстонских марок, и он считал этот город почти родным. А где Вильнюс – там и Таллин.

Не с пустыми руками направился он на манифестацию: сочинил четверостишие, начертал его на ватмане и приладил самодельный плакат к выменанной у дворника за водочный талон деревянной лопате для очистки снега.

Метро работало только на выход. Каждый из эскалаторов был набит радостно возбуждённой публикой. Ланской впервые увидел столько единомышленников в одном месте. Все улыбались друг другу, даже если взгляд останавливался на незнакомом лице. Но одна девушка улыбнулась ему как-то по-особому. Он отметил это, постарался ответить максимально искренно и пошёл искать своих – группу бывших сослуживцев по институту. Собственно говоря, бывшим стал он сам, а они продолжали измерять земную толщу, посылая упругие волны то ли в ад, то ли в Америку.

Путь манифестантов оказался не коротким и витиеватым. Полумиллионная людская масса могла уже не считаться ни с каким порядком, но никому и в голову не приходило его нарушать, бравируя рекордной для московских улиц численностью. По широким магистралям шли все вместе, соблюдая первоначальное построение по колоннам: партийным, корпоративным, территориальным. Растянулись на добрый километр. Но к Новому Арбату пришлось выходить ручейками, по разным переулкам. Конечно, каждому хотелось пройти по Борисоглебскому и выразить собственное соболезнование литовскому представительству, однако тогда бы последние рисковали не успеть не только к началу митинга, но и к его концу.

Ланскому удалось попасть в заветный поток. Его поразили наглухо зашторенные окна дипломатического учреждения и отсутствие какой бы то ни было реакции балтийских соседей на тёплые проявления дружественных чувств к их не вполне ещё самостоятельному государству. Писательская интуиция предсказывала недобрые отношения в будущем.

Зато пациентки родильного дома имени Грауэрмана облепили все подоконники. Им не разрешалось открывать даже форточки, поэтому приветствовать молодых мам пришлось громким и дружным скандированием. В головной части многотысячного серпантина мгновенно сочинили экспромт, и всем остальным не оставалось ничего иного как подхватить его. «Не рожай-те ком-му-нис-тов!» – голосил Алик вместе со всеми в сторону здания, откуда три с половиной десятка лет назад и его выносили в такой же взбудораженный свежими политическими событиями мир.

Наконец добрались до Манежной площади. Заняли её всю: от гостиницы «Москва», где установили трибуну, до входа в Центральный выставочный зал. Теперь даже трудно себе представить, какой огромной и красивой, спланированной с истинно европейским размахом была эта главная площадь недолгой российской демократии, пока дорвавшийся до власти «эстет» с профилем и повадками основоположника фашизма не надругался над ней и не превратил её в жалкое посмешище в отместку за приверженность чуждым ему идеалам.

Здесь Александр во второй раз столкнулся с той девушкой, которая по-особому улыбнулась ему в самом начале пути.

Митинг подходил к концу, выступали уже незапланированные ораторы. Их мало кто слушал: народ расходился, не соблюдая больше никаких колонн. Лопата Ланскому изрядно поднадоела, да и таскать её несколько часов на вытянутой руке оказалось не таким уж лёгким занятием. Но куда девать? Выбросить – грех. Снять ватман, скатать, а дворницкое орудие воткнуть в сугроб в Александровском садике? Но как сделать это незаметно?

Пока он обдумывал, по обыкновению, не спеша, возникшую трудность, перед ним опять возникло то же девичье лицо и снова одарило улыбкой. Если бы только улыбкой! Как из ночного костра вылетает огонёк и, пролетев через темноту, тает у вас на груди, так и от этого взгляда на Александра перекинулась маленькая искорка. Но не погасла. Её горение он отчёт-

ливо ощутил с первой минуты. Плакат вмиг показался пушинкой, а ноги сами понеслись вслед за незнакомкой.

Ланскому удалось скрыть свои истинные намерения, поскольку объект его внимания присоединился к небольшой, но достаточно организованной группе, увлекаемой одним из ораторов в сторону Старой площади. Наиболее убеждённые противники правящей партии решили призвать её к самоубийству, для чего двинулись в сторону одного из древних московских холмов, где располагалась партийная канцелярия. Путь по столичным меркам небольшой: два-три промежутка между троллейбусными остановками, втрое короче расстояния от сборного пункта у метро. Но большинство собравшихся он испугал. Да и с городскими властями не согласован. Одни побоялись провокаций, другие – угодить в каталажку, откуда, конечно, выпустят, но сначала побьют и облегчат карманы. Полумиллионная толпа съёжилась до полутысячной.

Уже при повороте от «Метрополя» на Охотный ряд Александр с ужасом заметил, что с плакатом остался он один. Остальные либо отбросили свою ношу, либо явились на манифестацию вовсе с пустыми руками. Его дружно начали подталкивать вперёд как знаменосца, хотя запрещённый триколор также сопровождал процессию, но в самой её середине, словно спрятанный от враждебных посягательств. Ланского такая диспозиция не устраивала: она не позволяла следить за перемещениями каракулевого полушубка, ради чего он и ввязался в эту авантюру. Но дружелюбие окружающих лишало его воли к сопротивлению. Насилие с открытой душой и улыбкой на лице – тоже насилие. Однако понимаешь это не сразу. По врождённой привычке Алик противился только грубости и глупости.

Логика в действиях демонстрантов была. Так они – простой сброд бунтарей, шествующих по проезжей части крупной городской магистрали, почему-то перекрытой со всех сторон. С транспарантом впереди – совсем другое дело. Почему-то вспомнился стих из Главной книги: «В начале было Слово». Да, без слова мы – обычные белковые организмы. Если говорить по-научному. А так – просто твари.

Во главе колонны его всё-таки не поставили. Там шагали люди со значками-флажками, приколотыми прямо на пальто. Народные депутаты. Личности неприкосновенные. На них наброситься, как в Вильнюсе, не решатся. Во всяком случае, сами они рассуждали именно так и продвигались с нарочитым спокойствием граждан Кале. А чуть сзади, поверх их голов плыл плакат:

Опять им нужен Сталин,
Необходим им Берия,
Чтоб покорился Таллин,
Не рухнула империя!

Возле Лубянской площади стало ясно, что экспромт с незапланированным марш-броском удался. Благостное равнодушие блюстителей порядка сменилось тревогой и волнением. Они ничего не говорили, но суетливо сновали вокруг, словно не верили своим глазам. На стороне «Детского мира» уже восстановилось движение транспорта, правда, проехало лишь несколько одиноких машин, половина из которых – из КГБ в мэрию.

Едва митингующие миновали последний поворот, со стороны Ильинки наперерез им выскочили солдаты и выстроились в каре аж до Варварки, перекрывая подходы к мрачному зданию Центрального комитета. Ланскому вдруг померещилась тень одного известного писателя. Будучи лишь исключённым из ВКП (б) во времена, когда самым мягким наказанием считалась многолетняя каторга, он в начале войны после долгих стараний добился реабилитации. Счастливый, отправился за партийным билетом. Получил его назад, но при выходе из подъезда угодил под бомбёжку. Всего один раз и попали немцы в здание ЦК, всего один человек при

этом погиб, но им оказался именно нетерпеливый и простодушный писатель, чьи пьесы уже пережили автора на полвека и до сих пор идут в театрах.

«Неужели и мне, – мелькнуло в голове, – так же обойдётся этот визит». На мгновение чёрный полушубок выпал не только из поля зрения, но и из памяти.

Но лишь на мгновение. Потому что сразу попался на глаза. Холодный пот прошиб Александра – именно так и представлял он себе приход смерти: явится красавица, заморозит, уведёт куда-нибудь, скинет свои одежды, и окажется под ними чёрный скелет, а в руках – коса.

Но солдаты вели себя спокойно. Сделать шаг к серому строению не давали, но и сами никаких действий не предпринимали. Стояли как скала.

Колонне не оставалось ничего иного, как свернуть в скверик. Обогнули с обеих сторон памятник-часовню в честь героев Шипки и Плевны и растянулись в цепочку. Между манифестантами и охранниками – лишь низкий заборчик да сугробы.

Из толпы посыпались упрёки и угрозы. Кому они адресовались, понять было трудно: в субботний день обитатели презренных кабинетов сидели дома и поездкой на работу себя не утруждали. Но громкоголосые ораторы распаляли себя и окружающих:

- Долой преступную шайку!
- Партия, верни награбленное!
- У-би-рай-тесь! У-би-рай-тесь!

Про вильнюсскую кровь не вспоминали. То ли понимали, что проливали её сотрудники совсем других учреждений, то ли забыли повод, собравший их ранним утром.

Присоединиться к бранному словоизвержению Алику не позволяло строгое домашнее воспитание, ни разу не давшее сбой на протяжении всей жизни, хотя он тоже хотел, чтобы ненавистная партия вернула народу всё своё золото и канула в вечность. Положение его становилось двусмысленным: стоять молча среди разъярённых единомышленников – бессмысленная трата времени, уйти – оставить людей без важной для них поддержки – плаката на дворницкой лопате.

Для начала он опустил его, прикрыв им лицо. Теперь не видно, скандирует он лозунги или нет.

Но и ему ничего не видно, кроме ног. А желанные для себя сапожки за заметить не успел: привык оценивать женщин не снизу, как на вошедших в моду конкурсах красоты, а по старинке, сверху. Да и наблюдать за кем-либо теперь невозможно: все стоят почти в ряд. Впрочем, самые непримиримые, проваливаясь по щиколотку, штурмуют сугробы.

– Сейчас мы им покажем! – слышит Ланской зычный бас почти в ухо. – Господин поэт, не дадите ли свой транспарант?

Вот это сюрприз! Наконец-то долгожданное избавление.

Александр протянул осточертевшую ношу неведомо кому, на звук. Этот посланный свыше спаситель мигом содрал ватман, сунул его хозяину и вернул лопате изначальную функцию: принялся с остервенением загребать слежавшийся снег и бросать его с размаху в роту оцепления. Стоявшие вокруг так и ахнули. Некоторым такая шутка понравилась, и они поддержали её возгласами одобрения. Но их оказалось меньшинство. Большинство же предпочло отвернуться или сделать вид, будто не видят, как двадцатилетних мальчишек обсыпают с ног до головы рыхлым снегом вперемешку с почерневшими кусками наста.

Солдаты оставались недвижимыми под лихой атакой, только зажмуривали глаза, если летела крупная льдинка. Экзекуция коснулась немногих: трёх-четырёх, стоявших напротив. До остальных ретивому ниспровергателю коммунизма добрасывать не удавалось. Да он и не старался охватить всех, намереваясь выбить из цепи хотя бы несколько звеньев. Но военные проявляли недюжинное терпение. Ланской мысленно сравнил их с первыми христианами на арене римского цирка.

Он машинально начал складывать ватманский лист. Перегнул вдвое. Но тут же услышал другой голос:

– Ой, не надо так! Лучше в трубочку.

Александр обернулся и остолбенел. Из каракулевого полушубка к нему тянулись две ладони, словно пытаясь защитить плакат от грубого обхождения.

От неожиданности Ланской проглотил язык, что было воспринято как осуждение.

– Такие хорошие стихи. Можно использовать ещё раз, если не память. У нас же не последний митинг, – извиняющимся тоном пролепетала незнакомка.

«У кого как», – подумал он про себя, а вслух изрёк:

– Лучше бы не отдавал.

И кивнул в сторону всё ещё орудовавшего лопатой демонстранта. Но вся эта диковатая история мгновенно отошла на второй план. Тлевшая в нём от Манежной площади искорка вспыхнула обжигающим костром.

– Да, правильно сказал недавно кто-то, что хуже коммунистов могут быть только антикоммунисты, – услышал он в ответ. – Ребята-то эти чем виноваты?

Ланской понял, что настал решающий момент. Сама судьба подготовила его как нельзя удачно.

– Пойдёмте отсюда, – уверенно сказал он. – Нам здесь больше делать нечего.

И он подал даме руку. По-иному истинный джентльмен поступить и не мог, поскольку леди, пытаясь спасти плакат, одной ногой увязла в снегу. Жест его приняли с благодарностью:

– Большое спасибо.

Александр посчитал почему-то уместным привести одно авторитетное высказывание:

– Ивану Алексеевичу Бунину однажды ответили так же. Он возразил: «Спасибо – это: *спаси, Бог*. Оно не может быть ни большим, ни маленьким».

– Боль... Ой, спасибо, что поправили. Больше так не буду, – без тени обиды отозвалась незнакомка.

И действительно, за прошедшие десять лет она ни разу не повторила этого нелепого словосочетания, хотя нередко и запинаясь.

4

На поливку огурцов ушли три лейки. Воду приходилось черпать в огромных пластмассовых бочках, стоявших, как доисторические изваяния, на всех четырёх углах дома. До настоящих водостоков не доходили руки, поэтому дождевые потоки хлестали с шестиметровой высоты гиперболическими струями, далеко не всегда попадая в предназначенную им огромную ёмкость. Использовать куда-то эти буквально падавшие с неба дары природы всё равно было необходимо, поэтому Ланской давно смирился с рутинным способом полива бессмысленной огуречной рассады, которую приезжавшая по весне тёща заботливо высаживала в грунт, зная, что молодые никогда не исполнят сей неперемный ритуал истинного дачника. Потом она забывала о своих грядках да и вообще о существовании благополучной семьи дочери, поскольку оба сына и их потомство требовали большего внимания. Наташа из уважения к матери пропалывала огород, а зятю доставалось изредка окроплять его водой, что частенько сопровождалось ворчанием: «Лучше уж переливать из пустого в порожнее: результат тот же, но усилий меньше».

Огуречный сезон нынче начался раньше обычного и грозил побить все рекорды скорости из-за небывало стойкой жары и достаточно высокой влажности. Ещё неделька-другая – можно выщипывать всю ботву и ставить на это место летний обеденный гарнитур: лёгкий пластмассовый столик с шестью стульями. Впрочем, к чёрту пластмассу! Нанять заезжих мол-

даван, и они смастерят настоящий, деревянный, вгонят ножки в землю, на века, чтобы этих проклятых огурцов больше никогда здесь не видеть.

Огородная плантация занимала заднюю часть участка, где сохранился чугунный межевой столб, служивший основой всех заборов: Ланских, их соседей по улице и с тыла, а также расположившегося наискосок участка Крутилиных. В этом общем для всех углу стояли четыре одинаковые деревянные сооружения недвусмысленного назначения. В полагающемся по санитарным нормам метровом коридоре густо росла крапива. Но ни она, ни жуткое зловоние, ни полчища мух не мешали общению сверстников Алика Ланского и Лёни Крутилина, ленившихся обогнуть две улицы, чтобы попасть друг к другу. Со временем надворные постройки разобрали за ненадобностью, и приятелям стало куда комфортнее переговариваться через забор. Но если одному вольная профессия позволяла безвыездно сидеть за городом, то второго жизнь понемногу отучила от поездок на природу, заставляя каждую свободную минуту рыскать в поисках хлеба насущного. У друзей существовал уговор: как только Лёня выбирается на дачу, он первым делом стучит по гулкому чугуну.

В последнее время такой сигнал звучал всё реже и реже. Особенно в будни.

На сей раз колотить по столбу не пришлось: Леонид появился к самому концу огуречного полива, и они столкнулись на границе своих владений нос к носу.

– Привет огороднику! – обидно подразнил свежеприехавший дачного завсегдатая.

– От золотаря слышу, – отозвался тот в таком же тоне. Не так давно Крутилин честно признался, что ради денег приходится не брезговать ничем. За откровенность тут же получил крепко приклеившийся ярлык от язвительного товарища.

– Что новенького?

Вопрос относился не к рукописям Ланского, а к событиям местного быта, каковыми периодически становились введение платы за вывоз мусора с поселковой помойки, увеличение тарифа на газ и электроэнергию, очередная вырубка соседнего леса под новые участки и прочие неприятности, сменившие недолгую эпоху добрых новостей конца восьмидесятых.

Ответ чуть не свалил с ног благодушного соседа своей сенсационностью:

– Вадик приехал. Три дня назад. Отпуск тут проводить собрался.

В былые времена они дружили втроём. Одногодки, дети из приблизительно одинаковых семей, связанных длительным знакомством, не могли не сблизиться на почве летних забав. Их даже звали «три мушкетёра» за преданность друг другу. Жестокая жизнь разрушила идиллию юных лет. Первым отпал тот, кого за повышенный интерес к противоположному полу сравнивали с Арамисом.

– Ты его видел?

– Нет ещё. Мама к ним заходила. Ей Вера Николаевна сказала. А сам он ко мне носу не кажет.

Крутилин, не успевший ещё переодеться и переобуться, быстро просчитал в голове все ходы. Разговор явно требовал другой обстановки.

– Я сейчас разберу сумку, перекушу и приду, – пообещал он и торопливо засеменил в сторону дома.

Глава третья

1

Моложавая дама лет шестидесяти (на самом деле – шестидесяти шести) грациозно выплыла на открытую террасу. Она не шла, она несла себя, и ей это удавалось в любой обстановке, при любых обстоятельствах, даже при пустяковом перемещении внутри собственного дома без всяких свидетелей. В руках у неё был фарфоровый кофейник.

– Дима! За стол! – скомандовала она, как и прежде, когда сын, послушный мальчуган, мгновенно откликнулся на её голос.

Но сейчас никто не отозвался.

– Что за безобразие? Всё остынет, – с наигранным апломбом произнесла недовольная мать, выдержав минутную паузу.

Солнце ещё и не думало садиться, но отблески его лучей уже никак не могли попасть на восточную сторону, где Вера Николаевна любила пить вечерний кофе. Этим её ежедневный рацион, по традиции, завершался, хотя впереди оставалась немалая часть активного дня: прогулка, просмотр телевизора, рукоделие, беседы с домашними, чтение.

Вера Николаевна не относилась к кругу пенсионерок, потому что не работала никогда. Пенсию ей, разумеется, платили: за потерю кормильца, случившуюся приблизительно в том же возрасте, когда её ровесницам одноимённое пособие начисляли за многолетние труды на подневольной службе. И тут выяснилась любопытная деталь: уход с работы объективно старит человека, совершая психологический слом в его сознании, выводя на иной жизненный виток, для многих последний. Не служившая домохозяйка не испытывает таких эмоций и остаётся в прежней возрастной категории: ведь пятьдесят пять для женщины – пора расцвета, а не заката.

Никольская овдовела семь лет назад и два года носила траур по своему единственному мужу в признательность хотя бы за то, что избавил её от необходимости спешить по утрам в казённое заведение, высиживать там по восемь часов с мыслью о домашних делах, а потом тратить столько же времени на приобретение продуктов, приготовление пищи, ремонт одежды, стирку, уборку квартиры, воспитание детей и исполнение супружеских обязанностей, чем занималась после работы лучшая половина населения лучшей на земном шаре страны. И если уж от чего приходилось отказываться, то только от последнего.

Вера Николаевна не посещала присутственное место, хотя и имела диплом экономиста. От этого её семья теряла ежемесячно рублей сто – сто пятьдесят (на самом деле, меньше, учитывая транспортные расходы и изнашивание одежды с обувью), но приобретала неизмеримо большее. Во-первых, в доме всегда царил уют, во-вторых, питались Никольские только изысканными блюдами, не повторявшимися в течение целого месяца, в-третьих, сын постоянно был под присмотром, в-четвёртых, супруги вели светский образ жизни, посещая театры, концерты, выставки, просто знакомых, в-пятых, они сполна испытывали все радости, дарованные природой, которые не в силах отнять даже ханжествующая советская власть. Согласитесь, потерять это ради десяти – пятнадцати красных купюр с изображением основоположника всех бед и несчастий можно лишь по великой нужде. Но её в доме не испытывали, поскольку глава семейства получал аж пятьсот рублей, а *зарабатывал* ещё больше. (Великий и могучий русский язык своеобразно отреагировал на двоякую сущность оплаты труда при социализме.) Дополнительную прибыль составляли вполне легальные доходы в виде гонораров за статьи и книги, почасовой платы за чтение лекций, вознаграждения за опеку своих аспирантов и выступления на защите чужих... Всего теперь и не упомнишь. При этом Сергей Данилович специально себя

не утруждал и особого рвения не выказывал, но мелкие ручейки, как водится, тянулись к полноводной реке и пополняли её хоть скудными, но всё же заметными потоками.

Конечно, так было не всегда. Начинали молодожёны с заискивающих намёков в адрес его родителей. Однако старики без жалости расставались с излишками, чтобы единственный внук оставался под надзором родной матери, а не деревенской девки, коих в конце пятидесятых несть числа было в хороших московских домах, даже при неработающей хозяйке. К уходу на покой отца-профессора сам Сергей защитил уже докторскую и вполне крепко встал на ноги. Жестоко преследуя инакомыслие, государство щедро поощряло мысль, не догадываясь о взаимосвязи этих двух понятий.

Вера Николаевна рано вышла замуж – в двадцать лет, ещё студенткой. Получилось всё как в сказке. Будучи дочерью врагов народа, она вообще не надеялась попасть в приличную семью: таких невест тогда чурались, словно прокажённых. Её подруги по несчастью, отчаявшись, выскакивали за представителей класса, не ведавшего карьерных притязаний. И в самом деле, не понизишь же в должности шофёра или токаря, если у него тесть расстрелян за шпионаж в пользу Тувы, а тёща мотает срок в казахских степях! Но красавица Верочка, ловившая на себе сотни оценивающих взглядов мужчин своего круга, даже думать не желала о мезальянсе.

И вдруг произошло чудо: её пригласили в военную прокуратуру, выдали справку о реабилитации родителей (оказалось – посмертно) и вернули кое-какие вещи, отобранные у них при аресте. Горе сиротства (давно пережитое *de facto*, она не очень болезненно восприняла *de jure*) тут же затмилось радостью восстановления в правах. Конечно, случись такое событие года на четыре раньше, она поступила бы в университет, тогда ещё квартировавший на Моховой, а не в какой-то там институт для двоечников. Но надо ковать железо, пока горячо. К прокурору могут вызвать и вторично, совсем по другому поводу. Наша власть прodelывала и не такое. Ухажёров у неё хватало всегда. Так получилось, что первым радостную весть она поведала розовощёкому блондину Серёже Никольскому из соседнего подъезда. И он тут же, не задав никаких лишних вопросов, сделал ей предложение.

Наверное, в этом знак судьбы, подумала про себя Верочка и тут же согласилась. Буквально за один день туман вокруг её судьбы рассеялся, свинцовые тучи над головой сменились голубым безоблачным небосклоном. Ещё неизвестно, кто испытал большее счастье, потому что Серёжа был страстно влюблён в неё со школьной скамьи, но робкий характер не позволял ему признаться в этом даже самому себе. На решительный шаг его подвигло невероятное, фантастическое известие: он и представить не мог, что в эпоху диктатуры пролетариата реабилитируют интеллигентов. Ещё больше оказались растроганы его родители, испытывавшие угрызения совести при каждой встрече с бабушкой Веры за своё благополучное существование на воле.

Рождение маленького Вадима совпало с написанием диплома. Молодая мать решила отказаться от полагавшегося ей академического отпуска и взять свободное распределение. Защита успешно прошла через полгода после родов, и грудной Дима избавил Верочку сначала от необходимости отрабатывать диплом под страхом тюрьмы где-нибудь в Каракалпакии, а потом, под нажимом свекрови, и вообще от трудовой повинности. Сама же профессорша Никольская в духе революционных настроений молодости продолжала участвовать в построении социализма, преподавая школьникам иностранный язык, считавшийся в разное время языком то союзника, то врага, то младшего брата по общему лагерю, и не собиралась бросать работу, чтобы нянчить внука.

Тридцать восемь лет прожила Вера Николаевна как за каменной стеной. Её абсолютная неготовность к вдовству выразилась в особо тщательном уходе за собой во время двухлетнего траура и в последующем принятии правил поведения великовозрастных невест, предполагавшем полное забвение детей и внуков ради будущего супруга.

Кандидат в очередные мужа проклюнулся не сразу. Им стал франтоватый господин на пять моложе её самой, занимавшийся бизнесом на базе руководимого им некогда государственного предприятия. Конечно, такой кавалер, тоже овдовевший, мог соблазнить и юную красотку. Этим он тоже занимался, но, как оправдывался в случае разоблачения, факультативно. Сексуально полноценного мужчину, безусловно, не могли прельстить внешние достоинства шестидесятилетней дамы, но в её колоде всегда имелся козырной туз – сын, занимавший столь высокий пост, что судьбоносной аудиенции с ним рядовой предприниматель мог добиться только в силу родственных связей. Ради избавления от одиночества Вера Николаевна простила новому избраннику и карьеризм, и адюльтер, и массу других недостатков, моля Бога не прибирать его раньше неё, дабы в третий раз не оказаться перед проблемой выбора.

С помощью пасынка пронырливый Станислав Игнатьевич быстро пошёл в гору, но, из чувства благодарности, не огорчал супругу, не любившую оставаться в пустом доме, долгими отлучками. Правда, снижение Вадимом высоты своего полёта позволило отчиму почувствовать себя самостоятельнее и наглее. И вот – отъезды в город на всю неделю. Вера Николаевна не стала выявлять объект его внимания, – не всё ли равно – однако решила примерно наказать сына как виновника своих бед, заточив его на даче вместе с собой.

Неожиданно тот согласился. Хотя долгие годы отчуждения от матери не могли не сказаться на их отношениях. Приехать-то приехал, но жить по её законам не желал. Вот и сейчас не вышел к вечернему кофе.

– Будешь подогревать сам, – вещает Вера Николаевна в пустоту и наливает себе чашку из кофейника. Ей ещё нужно убрать посуду до вечернего показа бразильского телесериала, пройтись до леса и обратно (компанию обычно составляет соседская невестка), немного повязать, дочитать очередную главу из Шеллер-Михайлова и постараться уснуть до наступления рассвета, иначе будет разбит весь следующий день.

2

Дождаясь друга, Ланской снова устроился под тентом. Этот жест означал к тому же окончание огородной повинности.

– Боль... Спасибо, – услышал он от проходившей мимо жены.

«Боль... Больше так не буду».

– Куда теперь? – задал Александр довольно странный вопрос для первых минут знакомства. Он умел ловко перевести утвердительную интонацию в вопросительную, выдать своё желание за желание собеседника и вообще повернуть диалог в нужную сторону деликатным, но не предполагающим возражений образом.

Обычно новые знакомые в таких случаях проявляли неуверенность, даже растерянность. Ничего подобного на сей раз не случилось.

– Конечно, в храм. Сегодня же Богоявление. Или Крещение. Как вам угодно.

Ланской считал себя верующим человеком, но отношения его с церковью складывались весьма сложно. Официальное духовенство он не признавал, памятуя о политическом мародёрстве семнадцатого года и предательстве ещё живого главы русского православия, но старался хотя бы изредка причащаться, за неимением других, у этих пастырей.

Ведомый своей попутчицей, он поднялся на Ивановскую горку и вскоре очутился в крошечном приделе, где сразу заметил ящичек для пожертвований на благоустройство храма сего. Народа впереди было немного, очевидно, одни прихожане. Только что закончилась литургия, и они заботливо разливали освящённую воду в принесённые загодя банки и бидоны, обсуждая обычные мирские дела. Всё тут дышало домашним уютом и спокойствием. Появление незнакомцев не осталось незамеченным. Говорившие вдруг почему-то перешли на шёпот

и стали сворачивать свои беседы. Незванная гостя мгновенно оценила обстановку и тут же попыталась разрядить её:

– Простите нас, мы только что с митинга.

– С какого митинга? – насторожённо полюбопытствовала крупная женщина в пёстром платке.

Казалось бы, вся Москва знала о манифестации, но у этих людей один из важнейших обрядов христианства занимал всё сознание без остатка, не оставляя места мирскому суемудрию. Первым это понял Ланской и поспешил встрять в диалог:

– Против безбожной власти.

Одна из прихожанок, помоложе и поприветливее, отреагировала мгновенно:

– Ой, молодцы какие! Только у вас посуды никакой нет. Куда же вам водички-то налить?

– Не беспокойтесь, – виновато ответил Александр, – мы как-нибудь обойдёмся.

– Нет, так не годится. Сегодня праздник. Большой праздник. Вы сами-то крещёные? – поинтересовался седобородый старик, видимо, приходский староста.

– Конечно! – в один голос заверили вошедшие.

– Значит, и ваш праздник тоже, – заключил староста. – Мы вас с пустыми руками не отпустим.

Приняв их, очевидно, за мужа и жену, гостеприимная община налила одну литровую банку на двоих:

– Это от всех напастей и болезней. И если дом освящать надумаете.

Ланскому пришлось подыграть добрым дарителям. Он с поклоном принял сосуд, как подобает главе семейства. Его мнимая половина тем временем произнесла:

– Спаси, Господи.

Уходя, Александр пошарил в кармане, извлёк оттуда первую попавшуюся купюру, оказавшуюся десятирублёвой, и опустил в прорезь ящичка. Его напарница хотела сделать то же, но он ей шепнул:

– Не надо. Они приняли нас за супругов. Пусть так и думают.

На улице, осеняя себя крестным знамением у порога церкви, Ланской явственно почувствовал, что в его жизни произошло что-то важное, обязывающее, будто неведомая сила накрепко притянула его к стоявшему рядом нежному и доверчивому созданию, имя которого он до сих пор не знал.

3

Не успел Крутилин ступить на порог своего дома, как перед ним вырос сын, находившийся в явно дурном настроении.

– Каким ветром принесло? – неприветливо поинтересовался Толик.

– Раньше ты был рад моим неурочным визитам, – ответил ему отец. Он сразу догадался, что дело тут не чисто. – Какая шлея под хвост попала?

Восемнадцатилетний Анатолий готовился к поступлению в университет. Годом раньше он недобрал балла для зачисления на государственный кошт, получив четвёрки за сочинение и математику. Несколько товарищей по несчастью, несмотря на такой исход экзаменов, стали студентами с помощью родительского кошелька, способного оплачивать их образование. Крутилины и мыслить не смели обучать ребёнка за деньги. Глава семейства, служивший верой и правдой в одном из муниципальных департаментов, зарабатывал сущие гроши, а его учительствующая супруга и того меньше. Толику, надеявшемуся на чудо, объяснили горькую правду: не на кого ему рассчитывать, кроме самого себя. Прокормить родители худо-бедно могут, прикрыть наготу самым дешёвым образом – тоже, но учить за свой счёт – абсолютно исключено. Нет у них тайных вкладов, левых доходов, богатых родственников и излишков недвижимости

для сдачи внаём. За дачу в зимний период много не выручишь, а перебираться туда на круглый год и таскаться в переполненных электричках на работу ради двухсот пятидесяти долларов месячного дохода от московской квартиры они не согласны.

Юноша умом всё понимал и не требовал таких жертв. Но внутри что-то надломилось: впервые принял он удар судьбы, разящий без промаха по самому больному месту. Толик не видел себя вне студенчества, он стремился в эту среду с её буднями и праздниками всеми силами разума и души и, потерпев неудачу, причинявшую чуть ли не физическую боль, стал винить в случившемся не собственную нерадивость, не строгих экзаменаторов, не бедствующих отца с матерью, а некую абстрактную *систему*, выталкивающую ему подобных за борт жизни в клокочущий волнами тревог, кишаций акулами океан действительности. Он часто слышал воспоминания взрослых о других временах, когда учёба не стоила ни рубля, когда не пускали за границу, сажали за крамольные книги и писателей и читателей, но не разводили по шеренгам в зависимости от семейной мощны: одних – в свет учения, других – во тьму необразованности. Кроме того, грозила армия навевающими ужас «горячими» точками, дедовщиной, Чечнёй, психопатами-сослуживцами, разряжающими автоматы в рядом стоящих и ударяющимися затем в бега, мужеложествующими унтер-офицерами, недокормом и прочими кошмарами.

Уже в сентябре Толю определили на службу. Нашлось тёплое местечко в дочерней фирме крупного концерна, присосавшегося к исправно фонтанирующей нефтяной скважине. Для одних из недр земли была чёрная жижа, для других – чистое золото. Первые ходили чумазыми и пропахшими бензином, вторые лоснились от дорогой косметики и благоухали лучшими европейскими духами и одеколонами. Первые делали всё своими руками, вторые нуждались в девочках-служанках и мальчиках на побегушках. Зная, какая ему уготована роль, юный Крутилин было возмутился, но отец спокойно разъяснил ему один из непоколебимых веками законов российской карьеры: способному человеку важно зацепиться за любое место в солидной организации, хоть дворником. Внутри всегда предпочитают двигать своих, и на приличную должность легче угодить из примелькавшихся и отмеченных талантами сотрудников, чем из аутсайдеров.

Восхождение по иерархической лестнице Крутилина-младшего длилось недолго. Его действительно заметили, и уже через два месяца он сидел за компьютером, а к Рождеству стал даже начальником группы. С этого момента вклад сына в семейный бюджет превысил совокупную зарплату обоих родителей. Но в мае Толик объявил, что не желает больше тратить время впустую, что ему нужно освежать в памяти школьные знания, затуманенные безграмотностью коллег по работе, что он увольняется, перебирается за город и начинает интенсивно готовиться ко второму штурму Воробьёвых гор. Все эти аргументы весомо подкреплялись запиской в тысячу долларов, составленной из премиальных выплат и свидетельствовавшей не только о продуманности финансовых последствий дезертирства, но и об аскетизме яркого ревнителя наук и его неподверженности мирским соблазнам.

Отговаривать Анатолия было бесполезно. Сошлись на компромиссе: он оформляет отпуск за свой счёт на время призыва, плавно переходящее в период экзаменов (с первым на работе моментально согласились, признав такое решение мудрым, о втором завгруппой решил до поры до времени умолчать), и исчезает из Москвы сразу после дня рождения. Впрочем, само совершеннолетие отмечалось уже на даче, где виновник торжества остался вдвоём с бабушкой. Веря в свою силу воли, он планировал безвылазно сидеть за учебниками. Так и происходило в первые две недели. Но потом не ко времени вызывающе ему улыбнулась расцветшая за зиму Мирра.

Девочка и раньше нравилась Толику. Он находил несомненный шарм в её угловатости, вечной припухлости верхней губы и независимом поведении. Она словно бросала вызов природе, сотворившей её не по идеальному лекалу женского совершенства, но не убившей про-

клятый Евин ген сознания собственной исключительности. Не привыкшая сдаваться ни в чём, девушка научилась затушёвывать шероховатости своего внешнего облика тем особым внутренним светом, который изливается из глубин естества, высвечивая выигрышные детали и затеняя остальные. Толик и Мирра сызмальства вместе играли в невинные детские игры. Разница в два года дала себя знать, когда ему стукнуло шестнадцать. Горизонты вмиг расширились, он, всегда выглядевший старше своих лет, стал вхож в компанию более взрослых ребят, где познакомился с голенастыми и грудастыми девицами весьма фривольного поведения, и на их фоне старая подружка осталась в сознании партнёршей по пинг-понгу и бадминтону. Сейчас же в её дерзкой улыбке он увидел претензию на более серьёзную игру, для которой она, теперь уже тоже достигшая шестнадцати, вполне созрела.

К удивлению, Толя не обнаружил соперников, хотя посёлок жил полной жизнью круглый год, и школа, куда ещё ходила его пассия, кишела претендентами на её благосклонность. Но сверстники не привлекали юную сердцежку. Существа, заикавшись отвечавшие у доски, казались ей абсолютно беспольными, мужчинами представлялись лишь солидные и самостоятельные особи противоположного пола, а нравились из них лишь те, кто не утратил при всей респектабельности способности к безрассудству.

В маленьком посёлке ничто ни от кого не утаишь. У Извековых быстро стало известно: молодой Крутилин за зиму так преуспел в крупной фирме, что стал кормильцем неудачника-отца и несчастной матери и, шагая такими темпами, годам к двадцати пяти превратится в миллионера и усвистит в Америку. Иного продолжения удачливой судьбы молва не ведала, уже имея аналогичные примеры перед глазами (двое соседей по улице отправили своих отпрысков за океан и морально готовились кончать свой век на чужбине). А где два – там и три.

Роковая улыбка затормозила темп Толиных занятий. Будучи по природе рационалистом, он счёл более экономным со всех точек зрения форсировать события. Подкараулить Мирру оказалось несложно. Тут же было назначено свидание, затем второе, и прогулки под луной вскоре сделались составной частью режима дня. Теперь учёба не страдала: делу – время, потехе – час. Правда, ночные рейды в лесные гущи кончались щекочущим эротическим возбуждением, нараставшим с неотвратимостью девятого вала. Но более опытный кавалер умело удерживал его до поры до времени, давая понять своей барышне, что процесс идёт в нужном направлении, плод зреет, а срывать его приятней полностью спелым: тогда он приносит большее наслаждение. Таким образом он предполагал дотянуть до отъезда Мирры на юг, откуда та планировала вернуться к концу его вступительных экзаменов. А там – либо пан, либо пропал.

Отъезд намечался на первые числа июля. И вдруг всё мигом изменилось. Взбалмошная девчонка распаковала уже собранный чемодан и осталась дома.

– У меня нет хвоста, – недобрым голосом огрызнулся Анатолий. – У меня есть только жёсткий график, в который внеочередной родительский день не вписывается.

Крутилин понимал состояние человека, только что сдававшего непростой письменный экзамен по математике и до сих пор не знавшего результата (хотя сам Толик в своей пятёрке не сомневался):

– Хорошо, я сейчас уйду.

– Куда?

– К дяде Алику. Пообещал заглянуть к нему сразу после ужина.

– Ужин будет через десять минут. Бабушка уже пошла его разогревать. На том диалог прервался. Леонид отправился к матери на кухню, а Толя побрёл в летний душ: эта процедура предшествовала каждому приёму пищи.

За столом они встретились вновь. Но разговор явно не клеился.

– Всё же ты не в своей тарелке, сынок, – заключил Крутилин.

– Это субъективное суждение.

– Суждение отца о собственном ребёнке всегда объективно. Даже когда оно субъективно. Таков вот силлогизм.

– Кто автор?

– Да любой. Самому неграмотному человеку сие становится абсолютно понятным с появлением родительского инстинкта. И ты когда-нибудь поймёшь.

– Не пришлось бы понять очень скоро, – вставила своё слово Надежда Кузьминична, намекая на известное обстоятельство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.